

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К58

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

В коллаже на обложке использована фотография:
Kiselev Andrey Valerevich / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Кожевникова, Дарья Сергеевна.

К58 Побег в пустоту / Дарья Кожевникова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы).

ISBN 978-5-04-100554-2

Агафье не везло в жизни: детский дом, сожитель-садист, неподъемный кредит и потеря желанного ребенка. Казалось, выхода нет. Но, занявшись исследованием собственного происхождения, Агафья обнаружила, что у нее есть старшая сестра Анжела, судьба которой сложилась совсем по-другому. Ее удочерили, дали отличное образование, и теперь Анжелка — преуспевающий дизайнер интерьеров. Единственное сходство между сестрами — это внешность! Доведенная до отчаяния, Агафья решилась на страшное преступление, чтобы занять место сестры. Теперь она — Лика, модный дизайнер, владелица шикарного дома, автомобиля и полноправный член общества. Но, оказывается, в жизни сестры тоже есть тайны, которые не дают ей спокойно жить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кожевникова Д.С., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100554-2

1

Ира шла домой медленно. Не потому, что устала, а потому, что задумалась. До полочки оставалось больше недели, а в кошельке денег было едва на пару дней. Вот и требовалось придумать, как же совместить две несовместимые вещи: отсутствие денег и почти десять дней жизни. Получалось не слишком удачно, потому что долг в ее планы не входил. Ведь это означало влезть в кабалу уже на следующий месяц. Мысленно Ира начала ревизию своих продуктовых запасов: если сидеть только на крупах, забыв про кофе, молоко и прочие «изыски», удастся обойтись или нет? Но тут же вздохнула: она забыла о транспортных расходах. А без них уж точно никак! Ну, и каким же образом выживать в такой ситуации?! Тут по склоненной Ириной голове, словно желая ее утешить, мягко скользнул падающий осенний листок. Прошелся по волосам, тенью мелькнул перед лицом и спланировал под ноги. Только откуда он мог взяться в отнюдь не осеннее время года?! Ира едва успела удивиться, как обнаружила, что это и не листок вовсе! Она резко остановилась, глядя на купюру, упавшую прямо возле ее ног. Господь ей, что ли,

решил помочь в трудный час? Она торопливо нагнулась и подняла банкноту. Настоящая ли? Не из «банка приколов»? Нет, на ощупь совсем не фальшивка. Но откуда она появилась? Никто из прохожих за Ирой не спешил. Сверху упала? Вскинув голову, Ира оглядела окна многоэтажки, мимо которой сейчас проходила. Но ни из одного окна никто не выглядывал в попытке разглядеть внизу свою упавшую собственность. Все больше начиная верить в чудо, Ира уже как-то по-хозяйски сложила денежку пополам. Стоп! А на ней, кажется, что-то написано! Девушка перевернула купюру другой стороной. Да, шариковой ручкой там было выведено всего одно слово: «Помогите!» И все! Ни кому помочь, ни где искать этого нуждающегося в помощи человека! Сойдя с тротуара, Ира снова оглядела светящийся окнами фасад: не выглянет ли все-таки кто-нибудь? Но ни в темных окнах, ни в светлых не было видно замершего в ожидании силуэта. Так кто же этот шутник, который вначале зовет на помощь столь оригинальным образом, а потом никак не дает знать о себе? Ира постояла еще пару минут, ожидая, что он появится. Но так ничего и не дождавшись, двинулась дальше, по своим делам. С купюрой, нашедшей приют в кармане ее куртки: она слишком сейчас нуждалась в деньгах!

* * *

Агафья... Агафья... Она старалась забыть это имя. Стереть его из памяти, вычеркнуть из своей жизни. Да, пока что ее звали именно так. Имя всегда ей казалось каким-то тяжелым, как груз судьбы

на плечах. Не то что у сестры, легкое и летящее — Анжелика. Но скоро все изменится. Осталось недолго.

Она стояла у окна, не включая свет, — в убогой съемной квартире на первом этаже почти аварийного дома не на что было смотреть. Поэтому, прижавшись лбом к стеклу, она смотрела на то, что было за пределами этих стен: на освещенные окна других домов и на тени за висящими на них шторами. На пешеходов, идущих по тротуару, каждый в своем темпе и со своим выражением лица. На не слишком ухоженные газоны под кронами старых деревьев. На машины, пытающиеся там парковаться и окончательно эти газоны добить. Люди жили, двигались, разговаривали. У каждого были свои проблемы и радости, свои планы на вечер. И никому из них не было никакого дела до Агафьи в ее темной комнате. Поведя плечами, она вспомнила, как вот так же, прижавшись к стеклу лицом, стояла в роддоме. В пустынной нише коридора, куда практически не проникало ночное больничное освещение. И где больше не было ни души — пост медсестры отсюда не виден, и роженицы после отхода ко сну мимо не снуют, не то что днем. После отбоя Агафья могла выйти из палаты и спокойно здесь постоять, отдыхая от соседок. Наконец-то совсем одна! И она отдыхала, глядя в окно. В то, роддомовское, окно был виден целый парк, за которым расправленной лентой протянулась объездная дорога. Парк раскинулся в низине, а дорога шла по возвышенности, так что он ее не скрывал. И Агафья подолгу смотрела на нее, не отрывая глаз. Машины, в основном тяже-

лые фуры, проходящие мимо города, скользили по ней теплыми, практически бесшумными с такого расстояния огоньками. И лишь когда они уже проносились, скрываясь за поворотом и вслед за своими габаритными огнями снова оставляя на дороге тоскливую темноту, до слуха Агафьи, словно прощальный привет, с угасающими красными искрами габариток долетал недолгий и низкий звук их двигателя. Даже странно как-то было! Едут мимо почти не слышно, и вот уже перед тем, как скрыться, вдруг дают о себе знать этим низким прощальным рокотом-аккордом. Или, может, зовут ее за собой? В теплый и светлый мир из того сумрака и одиночества, в котором она находилась сейчас? В какой-то момент Агафье безумно захотелось сбежать из отделения прямо сейчас, добраться до трассы и, тормознув с обочины первый же грузовик, уехать в его кабине прочь. Куда глаза глядят, лишь бы подальше отсюда. Но двери роддома в это позднее время уже должны быть закрыты, а она еще слишком слаба. А главное, где гарантия, что, тормознув машину, она не встретит в ней такого же уродца, из-за которого попала сюда? Жизнь не учила Агафью верить людям. Наоборот, с каждым ее новым уроком молодая женщина постигала истину, что верить нельзя вообще никому. И доверяться тоже. А уж тем более — кого-то любить. Она вот по глупости попала на эту удочку. Влюбилась без памяти, молиться на Ваньку была готова. А он, для начала поиграв в романтику, быстро осознал, что она в его власти. И вместо того чтобы ответить на ее чувства взаимностью, ски-

нул с себя маску любящего мужчины да начал эксплуатировать ее без зазрения совести. А она охотно ему это позволила, потому что продолжала верить в ту сказку, которую он показал ей вначале, и упорно цеплялась за свои ускользающие миражи. Она работала, она вела домашнее хозяйство, стараясь во всем угодить своему «хозяину». А он не работал и не помогал, он только жил в ее квартире и требовал. Потом еще и избивать начал, когда напивался, даже если она ухитрялась ни в чем не провиниться. А уж если блюдо не удалось, или пыль обнаружилась, или если она кому-то на улице вдруг улыбнулась, или ему показалось, что она это сделала... расплата была одна: ногами или кулаком, а иногда и тем, и другим. В конце концов их отношения дошли до того, что если он желал ее поощрить, то просто воздерживался от удара. В тот день, когда он впервые поднял на нее руку, Агафья ему это простила в своей слепой и безграничной любви. Потом — еще раз. И еще. Все надеялась, что он одумается, поняв, как она его любит, и раскается. Но он только распоясывался от своей безнаказанности. Так что в конце концов ей пришлось отказаться от своих надежд, а вместо этого научиться ожидать, получать и терпеть. И она смирялась со своей судьбой до тех пор, пока однажды в ней что-то не перемякнуло и она, в очередной раз преодолевая боль из-за синяков и отбитых ребер, пробираясь из кухни в ванную почти ползком, в то время как Ванька уже храпел на диване, не взглянула на себя со стороны. Оказалось, это очень полезное дело, которым стоило заниматься

почаще. Потому что при этом она вдруг осознала, во что превращает свою жизнь. Забитая рабыня в беспросветном сером тоннеле, в котором есть только одно направление, все глубже уводящее в топкую безнадежность. И при этом рядом с ней находится человек, к которому из всех чувств у нее осталась только привычка. И страх, который он ей внушал. Любви не осталось. Агафья даже не заметила, как и когда это произошло! Но все же, когда к ней впервые пришла мысль о том, что его надо бросить, она отогнала ее прочь. Идти было некуда — раз. Квартирка была единственным ее жильем, вообще единственным, что у нее было своего после выпуска из детдома. Но даже если Агафья решится навсегда ее бросить — пытаться выгнать оттуда Ваньку она даже не помышляла — это могло не спасти положения. Потому что он мог ее отыскать, и чем бы это закончилось, даже подумать страшно — это два. А три... Сейчас в ее жизни есть хотя бы он, а если она от него все-таки сумеет сбежать, то останется один на один с пустотой, в которой не будет даже такой малости, как этот тиран, который хоть иногда, исключительно по своей прихоти, но все же одаривал ее минутами ласки.

Пока она решалась, набираясь смелости, пока взвешивала все «за» и «против» такого поступка, в ее планы решила вмешаться судьба. Или, в данном случае, скорее рок, потому что меньше всего Агафья ожидала забеременеть.

Стоя у окна убогой съемной квартирki, на первом этаже старого жилого фонда, с его толстыми

стенами, но чуть живыми деревянными полами, по которым периодически бегала как минимум одна крыса, Агафья потеряла рукой переносицу. Ванька всегда ее бил очень профессионально. Сколько боли, сколько налившихся свинцовыми тучами синяков — и ни единого шрамика! Ну, почти. Теперь это ей на руку не только с эстетической точки зрения. В том, что она задумала, лишние опознавательные знаки вообще ни к чему. Потому что, насколько Агафья знала, у Анжелки никаких шрамов не было. Она тихонько повторила вслух: «Агафья... Анжелика...» В самом деле, имена ли повлияли на то, что у них оказались такие разные судьбы? Или Анжелке просто повезло? По-крупному, и не раз. Вначале — когда ее удочерили, забрав из детского дома совсем еще маленькой. Раздобыть такую информацию практически невозможно, но Агафья узнала об этом случайно, благодаря цепочке каких-то почти мистических совпадений. Потом, начав тянуть за ниточку, она стала узнавать и подробности. Анжелкины приемные родители оказались, наверное, не слишком молодыми, потому что обоих уже не было на этом свете. Но они успели дать названной дочери образование, оставили ей квартиру, и не казенную коробку, с барского плеча отказанную сироте государством в захолустье, а хорошую, двухкомнатную, в центре мегаполиса. Еще — воспитали ее уважающим себя человеком, не бегающим по улице с прикованным к тротуару взглядом, не ждущим от окружающих только неприятностей и ничего больше. Последние полгода Агафья вни-

мательно изучала социальные сети сестры, сумев в них проникнуть под вымышленным именем — под ником довольно модного дизайнера, изменив там всего одну букву, так что это не бросалось в глаза. По крайней мере, Анжелка приняла ее в друзья, что позволило беспрепятственно получать информацию с ее страницы. Жизнь, окружение, знакомства, привычки — Агафье все теперь было доступно для изучения. Не зря, сбегая от Ваньки, из всех относительно ценных вещей она осмелилась прихватить с собой планшет. Потому что он был ей крайне необходим. Нет, тогда никакого плана у нее в голове еще не было. Наоборот, она, сумев попасть к Анжелке в друзья, читала записи на ее страничке с какой-то любовью. Или даже с чем-то большим, что вообще можно было испытывать, зная, что пишет единственный во всем мире родной тебе человек? Сестра была очень на нее похожа внешне. Или она на сестру? Порой, глядя на фотографии, Агафья испытывала странное ощущение, как будто глядится в волшебное зеркало. Почему в волшебное? Да потому, что при поразительном внешнем сходстве Анжела, конечно же, выглядела намного лучше, поскольку жизнь у нее была совершенно другой. Но Агафья ей не завидовала, нет — любовалась. Она мечтала однажды признаться Анжелке, кто она есть, встретиться с ней. Обнять, излить душу, остаться рядом. Но хорошо, что, уже почти на это решившись, вначале закинула вопрос: а как бы Анжелка отнеслась к тому, что у нее есть родная сестра, выросшая в детдоме? Ответ ее, можно сказать, убил.

Наверняка не зная о том, что и сама усыновлена и что, если бы не судьба, она тоже могла бы пополнить собой ряды детдомовской детворы, Анжелка ответила на заданный вопрос с такой презрительной брезгливостью, что Агафья, словно получив незаслуженную пощечину, весь вечер проплакала в подушку. А наутро встала с твердой мыслью о том, что никакой сестры у нее больше нет. И не было никогда. В самом деле, они ведь никогда ни разу даже не пересекались в этой жизни! Годовалую Анжелку отняли у матери, лишив ту родительских прав, когда Агафьи еще и в помине не было. А на Агафью мать уже и сама отказ написала, прямо в роддоме. Но к тому времени, когда она тоже попала в детдом, Анжелку как раз уже успели удочерить. Она ухватила счастливый лотерейный билетик, к раздаче которых не успела ее младшая, менее удачливая сестра. А на долю Агафьи выпало лишь случайно узнать имя их настоящей с Анжелкой матери, после чего, крупинка за крупинкой, подросшая девочка начала собирать информацию, можно сказать, о себе самой. В результате этих поисков она побывала в том дворе, где когда-то жила ее мать, невзначай побеседовала с соседками-старожилами. Потом получила крупную взбучку за побег из детдома, но оно того стоило, потому что именно от этих соседок она узнала не только о матери, но и о сестре. Дальше предстояла кропотливая работа в сложной обстановке — надо было ухитриться проникнуть в детдомовские архивы, еще старые, бумажные. Перерывать там кучу пыльных папок в поисках всего

лишь одной. Той, из которой она могла бы узнать об Анжелке, о ее дальнейшей судьбе и новых родителях. Искать приходилось в темноте, подсвечивая себе лишь фонариком, вздрагивая от каждого шороха под дверью. За провинности у них в детдоме по головке не гладили — быть может, именно поэтому Агафья ухитрилась смириться с Ванькиным рукоприкладством, хотя меньше всего ожидала этого, когда мечтала о своей будущей взрослой жизни и — обязательно! — о любви, которая ее ждет. О любви... Как мало человеку надо! Чтобы всего лишь кто-то любил! Любил, а не позарился бы, как Ванька, на сиротскую квартиру, сыграв на чувствах одинокой девчонки, чтобы потом устроиться со всеми удобствами и на всем готовом. Агафья криво усмехнулась, подумав о том, какое разочарование должно было его ждать, когда он обнаружил, что у него исчезли сразу служанка, повариха и кошелек в ее лице. Осталась пока что разве квартира, но, если подумать, то на нее у него тоже весьма призрачные права. До поры до времени он еще сможет приводить туда кого-нибудь, кто и дальше будет его обеспечивать водкой и всеми прочими радостями. Но после ее исчезновения настанет день, когда у него наверняка спросят, а на каком основании он занимает эту жилплощадь? И тогда он не найдет что сказать. И все его матюги, все его потрясения кулаками окажутся бесполезны в борьбе за квартиру, на которую у государства или у тех, кто его представляет на месте, наверняка окажутся свои виды. Так что останется ему, высказавшись, все-таки по-

кинуть обжитое место, которое он наверняка уже считал своим, и проситься обратно, на порог к родственникам, однажды уже выгнавшим его за все его «подвиги». Правда, была у него альтернатива вскоре отыскать себе другую дурочку, чтобы по уже отработанной схеме прочно обосноваться у нее на шее. При мысли об этом Агафья едва сдержала мучительный стон. Нет, она все-таки еще любила его! Не зря так долго собиралась бежать, хотя все складывалось так, что решиться на это следовало как можно быстрее. И даже теперь Агафья многое отдала бы за то, чтобы еще хоть ненадолго вернуться в те, прежние времена. Когда он, такой сильный и красивый, ухитрился казаться еще и великодушным, и добрым. Когда виделся одинокой девчонке воплощением ее заветной мечты, ее ласковым солнышком в центре вселенной, еще не показывая своего истинного лица. И сумел влюбить ее в себя настолько, что она не один год терпела потом его издевательства.

Агафья потрянула головой, едва не стукнувшись лбом о стекло. Лилька, ее детдомовская подружка, учила ее: «Гашка, себя надо любить! Только себя! Потому что каждый больше всего именно себя любит! Так что не рассчитывай, что на твою долю много достанется от других. Что сама себе дашь — с тем и будешь!»

Агафья не хотела верить в эти слова. Если она полюбит кого-то всей душой, самозабвенно, жертвенно, то разве он не захочет отплатить ей таким же чувством? И только самой жизни при помощи